

Три витка спирали

Вместо предисловия

- Кто мы? Откуда мы? Зачем мы? Практически каждый зрелого возраста человек задумывается над этими вопросами. И совсем непонятно, почему мы в тяжелейшие жизненные перипетии, почему-то всегда непроизвольно обращаем взор свой на небо, на это манящее своей бесконечностью и множеством тайн пространство. Оно влечет нас, оно зовет к себе. Почему и у кого мы просим, вымаливаем для себя там заступничество, помощь, прощение? У Бога? У некоего высшего разума? А может быть у своих будущих поколений, которые, вполне естественно, будут кратно умнее нас? С эволюцией, брат, ничего не поделаешь. А как в таком случае осуществляется связь времен? А может быть мы с ними можем находиться в одном временном пространстве? Эх, слаб еще человеческий разум!

Берясь за книгу, где в первой части речь должна была идти о моих бабушке и дедушке по материнской линии (у отца мать умерла при родах, а его отец скончался спустя четыре года), я старательно напрягал свою память, изымая из ее ячеек рассказы моих родителей о их жизни в те старые и добрые времена девятнадцатого — двадцатого веков. К великому сожалению, к настоящему времени фотографий никаких не сохранилось, да и могло ли их быть много, ведь жили мои предки в глухом захолустье, куда нога фотографа вряд ли хоть раз ступала. Я лично видел одну, низкого качества, где лица деда и бабушки были еле различимы. А как мне хотелось бы внимательно взглядеться в них, и в лица своих пра- и пра-пра. Может быть в выражениях их глаз я и «прочитал» бы нечто,

что позволило бы мне уверенно и спокойно вести о них свое повествование.

И вот, в период этих нелегких воспоминаний, когда память моя была напряжена до предела, однажды мне явился чудный сон(а сон ли?), в коем я в «живом» виде высмотрел — таки свою то ли пра -, то ли пра — пра -, то ли еще далее по древу жизни свою бабушку по материнской линии.

А видение это или сон было таковым:

* * *

- Космический летательный аппарат двигался вокруг Земли в направлении с запада на восток. Точнее плыл, ибо движение его было плавным, без толчков и рывков. Скоростью, по нашим меркам, он обладал огромной, несоизмеримой с земной. Космическим кораблем, в нашем понятии, назвать его было нельзя. Он представлял собой торообразный, абсолютно невидимый, прозрачный, вообще не ощущаемый ни одним из наших органов чувств аппарат, где сам тор (в просторечии баранка) являлся, по каким — то моим соображениям, своеобразным пультом управления. Принцип движения мне был непонятен, да, честно говоря, я и не пытался его узнать, увлеченный совершенно неожиданно свалившимися на меня впечатлениями. Сам только вид нашей родной планеты с космических высот заинтриговал меня, поразив своей красотой. Во всяком случае, двигателей как таковых, по земным меркам, не было. Создавалось впечатление, что я как будто бы в одиночестве парил над Землей, хотя наличие, да и сама конфигурация летательного аппарата, неосязаемого и неосязаемого, тем не менее каким — то неизвестным, незнакомым мне чувством все же угадывались. Каким образом я удерживался в нем, я понять не мог, протягивая руку, я ни на что не наталкивался, хотя вроде бы полностью

« протыкал» пульт управления. Под ногами я также ничего не ощущал. Я находился в центре тора, в так называемой «дырке от бублика», сидел в очень удобном, как бы специально под меня подогнанном кресле, также невидимом и неоощущаемом, как и все прочее, но воспринимаемое мною тем же непонятным мне седьмым или восьмым чувством. Это же чувство указывало мне и на присутствие в аппарате некоего доброжелательного существа, управляющего этим кораблем, которого я мысленно нарек «высшим разумом». Это существо, прочитав мои мысли, о придуманном мною ему имени, согласилось с этим и поблагодарило меня совершенно непонятным мне образом, как бы внушило мне эту благодарность.

По жизни боящийся высоты, здесь я чувствовал себя превосходно, абсолютно спокойно, не боясь выпасть из прозрачного, не имеющего ни стен, ни пола, ни потолка, летательного аппарата. Скорее всего, мое чувство страха было отключено этим самым «высшим разумом» на какой-то период.

Присутствие свое в летательном аппарате я впервые зафиксировал, когда мы пересекали пролив Ла-Манш. Сзади отчетливо (не как на глобусе или в атласе, а именно в живой натуре) обозначились контуры британского побережья, а спереди стремительно приближалась Франция. Как я быстро сориентировался — до сих пор остается для меня загадкой, ведь в этих государствах я никогда не бывал и над их территориями не пролетал. В мгновение ока пересекли северную Францию, Германию, дальше в памяти небольшой провал. Затем, по каким-то образом переданной мне «высшим разумом» команде, я пришел в себя и стал пристально вглядываться в конкретно предлагаемую мне точку земной поверхности. По мере того как я вглядывался в указанное мне место, автоматически оно становилось ко мне все ближе и ближе. И, о господи... моему взору предстала река Урал. Еще ближе — и я уже вижу плывущего через нее Чапаева.

- Все как в книге, - подумал я. Но, в свое время, читая повесть Д. Фурманова, конкретный этот эпизод я как бы наблюдал (мысленно) с берега, а здесь (как бы наяву) — сверху, с высоты птичьего полета, прямо над рекой, то есть в совершенно ином ракурсе. Поступает неожиданное для меня предложение «высшего разума»: «А хочешь, он доплывет до берега и останется живым?».

Я ввязался в диалог мыслями.

- Как же так, - возмутился я, я прекрасно знаю, что Чапаев погиб, утонул будучи раненым. Зачем переписывать историю?

- Сейчас ты находишься в другом временном периоде, мы перенесли тебя на несколько десятилетий назад. Ты сейчас живешь не в своем, а более раннем, но реальном времени, - внушал мне невидимый собеседник. - И Чапаев плывет также в реальном времени. А в данный момент это событие может пойти по двум направлениям: или он останется в живых, или утонет. Как пожелаете, так и будет.

- Оставьте так, как есть, как об этом историческом факте знает наше поколение.

- Поймите, это реальное время, - подчеркнул мой мысленный собеседник, - ни о какой истории речи не идет. Если Чапаева сейчас оставить в живых, так оно будет отражено и в последующей истории.

- Но ведь я уже в «будущем» времени жил и наше поколение знает, что Чапаев утонул, - настаивал я. - И я, полагаю, когда вернусь в свое время, то снова столкнусь с тем фактом, что он все-таки не доплыл.

- Нет, Вы будете знать, когда вернетесь в «свое» время, то, что именно сейчас произойдет. И в данный момент все зависит от Вас.

- И все же я не согласен.

Очередная пауза.

Снова предложение «разума» посмотреть вниз.

Поле. Пьяные «каппелевцы» во весь рост идут в психическую атаку на красных. И опять аналогичное «чапаевскому» предложение: «Хочешь, чтобы победили «каппелевцы»?»

Мой мысленный отказ был принят. «Высший разум» в очередной раз убедился, что я не сторонник переписывать, а тем более переделывать историю.

Вновь провал в памяти... Очнулся, точнее врубился, я уже на другом витке, над Северной Германией. А может уже и несколько раз крутнулись мы вокруг «шарика». Промелькнула Польша, вот и российская граница. До боли знакомые контуры России (Откуда? Ведь и здесь я раньше никогда не бывал и не пролетал). Вот и Вологодчина, как на тарелочке с ее городами, деревнями, реками... Как отдельно взятый фрагмент, вырисовывается Никольщина, стремительно увеличиваясь в размерах. Позади — город, деревня Байдарово, впереди — деревня Кудрино, откуда родом моя бабушка. Этот факт почему-то сразу же всплыл в моей памяти. Затормаживаемся быстро, хотя очень и очень плавно, я даже не почувствовал абсолютно никаких перегрузок. Мне все видно как на ладони: и деревня, и поля, и леса. И опять же, вся эта местность кажется мне очень и очень знакомой, а ведь, кроме деревни, да и то в детстве, я больше нигде в этих местах не бывал, а окрестностей вообще не представлял. Зависаем над ближним к деревне полем. Я обзираю открывшуюся передо мной панораму с высоты где-то 100-150 метров, нас же из-за прозрачности, естественно, не видно, мы — как невидимки.

Женщины на разных полосках серпами жнут рожь, вяжут снопы. Все одеты в белые старинного покроя сарафаны, на головах — белые же косыночки, завязанные также не по современному. Еще одно приближение, и я почти в упор вглядываюсь в одну из женщин, в возрасте 30-35 лет. Как ее лицо схоже с лицами моей мамы и бабушки! Но это явно не они, «высший разум» дает понять, что это моя пра-пра- (а может и еще в более дальнем колене) бабушка в молодости. В какой век я был «перенесен», я сам не понял, он же мне это не внушил.

И вдруг, поставив сноп, моя «пра-пра» поднимает голову вверх и воздевает к небу руки, при этом смотрит в упор на

меня, естественно, ни корабля, ни меня не видя... Совершенно неожиданно, как мгновенная вспышка, меня поразила мысль: «Так вот почему в каких-то трудных, непонятных, кажущихся безвыходными ситуациях, мы всегда с мольбами и просьбами обращаемся к небу! Это мы невольно обращаемся за помощью к своим будущим прямым потомкам, обладающим более высоким интеллектом, чтобы мы в чем-то вразумили их. Вот она связь времен!».

Ее мольба то ли к небу, то ли ко мне, скорее последнее, уж коль так осенило меня, - я не понял о чем она, эта мольба, да и «высший разум» тоже ничего не успел объяснить, так как в это время... сработал заведенный мною на утро будильник.

В глубочайшей тишине резко прозвучало механическое «ку-ка-ре-ку». Что-то невидимое непонятной мне тенью промелькнуло перед моим взором, опав на меня при этом каким-то специфическим холодком. Это, вероятно, «исчез» мой поводырь - «высший разум» и ... я проснулся.

- Какая же красивая у меня была «пра-пра», - первая мысль, которая пришла ко мне, когда сон окончательно развеялся.

Постскриптум.

Мои друзья, коим я поведал свой чудный сон, не стовариваясь, убедительно доказывали мне, что я действительно летал на инопланетном корабле, точнее, тело мое спокойно лежало на кровати, а душа крутилась вокруг «шарика».

- Но, это же смерть, когда тело и душа разъединены, обратно они не соединяются, - возражал я. У них возникло новое, уже шутовское предположение, что я какое-то время находился у Бога в канцелярии, пытаюсь заполучить прописку в мир иной.

- Вовремя поднял тебя с кровати петушок — будильник, а то могло бы все гораздо хуже для тебя закончиться.

Я же остался при своем мнении, что это был просто сон, возможно, самый лучший, самый добрый сон в моей жизни. А самое главное, что пусть и во сне, но я увидел и узнал свою пра-пра, не знаю сколько раз пра-, бабушку. А сходство ее с мамой и бабушкой было очевидное, это я могу утверждать и

сейчас, ибо образ ее у меня в памяти сохранился навсегда. Этот вещий сон или видение, вкупе с рассказами моих родителей о прежней жизни, слилось воедино, что и позволило мне как-то легко начать свое повествование, не опасаясь исказить истину, за рамки которой перешагнуть я не имею права.

Итак, в добрый путь: поколение первое - Михаил и Анастасия.

Поколение первое: Михаил и Анастасия

1. Детские забавы

— Ну, что Мишка, умаялся? Охолонь маленько, для первого дня с тебя хватит, - Арсений Прокопьевич похлопал младшенького по мокрой от пота спине, с непривычки-то и наджабрить себя можешь. Приляжь в тенечке, а я пока твой покос поведу.

- А и впрямь, тятя, тяжело что-то мне, потом весь обливаюсь. - А ты водички-то холодной поменьше пей, перетерпи лишний разок, потеть-то меньше и будешь. Чаек в этом деле помогает горячий, с травами заваренный. Ну, да ничего, пообвыкнешь, втянешься, все через это проходят. Оно ведь, в первый раз тяжело с косой управляться. Нахрапом здесь, дружочек, не возьмешь, даже если ты двужильный. Тут привычка, сынок, нужна. Глянь, как братовья-то твои сноровисто косами машут, а ведь и они совсем еще недавно тюкали ими бестолково, только траву мяли. Год — два и ты мужиком настоящим станешь. Степка, вон, тоже от старших-то уже не отстает, а ведь это его третья страда еще только.

***

На дальние сенокосы, что находятся на речке Камешнице, в десяти верстах от их, затерявшейся в дремучих лесах деревушки с чудным названием Лепота, Мишка выпросился сам. Точнее, подговорил его на это дружок — одногодок Петька Евгушкин, еще в позапрошлом году помогавший отцу выставлять там зороды. Ничего не поделаешь, в отличие от мужицкой семьи Сосниных, у соседей Евгушкиных, кроме их двоих, отца и сына, остальные были мал-мала-меньше — девчушки. Не могла помочь им в сенокосе и немощная мать, с горем-пополам управлявшаяся дома по хозяйству. И вот, вернувшись в прошлом году с дальних пожен, Петька захлеб и с подробностями рассказал другу, как он там за купающимися девками подглядывал.

- Когда в первое утро с отцом откосились, тятя умылся из родничка и прилег в шалаше отдохнуть, а я решил перед обедом искупаться в Камешнице. Подхожу к берегу, а там, чуть выше по течению, слышу, девичий визг раздаётся. Пришлось спуститься пониже, чтоб нагого они меня не увидели. Окунулся в омуток, немножко поплескался и вылез на берег, ключи уж больно холодные там бьют. Собрался было к шалашу возвращаться, да уж больно задорные девчоночьи крики остановили, шибко резвились девки. Ноги сами в их сторону понесли. Подкрался незаметно, выглянул из-за куста. Мать честная, да они же, все как одна, голые, в чем мать родила, стоят по пояс в воде, брызгают друг друга, а груди при этом так забавно трепыхаются, как колобочки-мячики подпрыгивают. А потом, когда они из речки стали выходить, я совсем обалдел. Сердце заколотилось, вот-вот из груди выскочит. А они, как специально, встали на том бережку лицом ко мне, волосы мокрые отжимают. Самому стыдно стало, а глаз от них оторвать не могу. Потом испугался, вдруг кто из нашенских, деревенских, случайно увидит, что я подглядываю, на смех поднимут. Или отец проснется и искать начнет. Потихонечку-полегонечку к своему шалашу подался...

- Кто за Камешницей косит? - спросил я у отца.

- С той стороны примыкают к речке горбачевские сенокосы, - пояснил он. - До их деревни от пожен верст шесть, пожалуй будет.

И с той поры я ни одного жаркого дня не пропустил, ходил на речку не столько купаться, сколько красоту эту неожиданно на меня свалившуюся, созерцать. А они, бедовые, так и не догадывались, что я за ними подглядываю...

***

Соблазн оказался столь велик, что Михаил еще с зимы начал уговаривать отца, чтобы он и его вместе с братьями взял в страду на дальние покосы.

Сенокосы на Камешнице у Сосниных и Евгушкиных были рядом, и ребята, закончив утреннюю косьбу, вдвоем убежали на речку. Девоч они заприметили только на третий день, горбачевские крестьяне в этот год выбрались на свои пожни несколько позднее. Глядя на Мишкино, налившееся краской лицо, его, чуть не выкатившиеся из орбит глаза, и открывшийся непроизвольно рот, Петька едва сдерживал смех. Мысль была одна, только бы не спугнуть, а то смотринам этим сразу же придет конец.

- До чего же хороши, стервы, а Мишка? - подкальывал дружок.

- ...

- Да ты не на ту, паря, смотришь-то. Чего ты в этой тощатине нашел? - захихикал Петька, - вон, глянь-ка лучше на ту, рыженькую, экая грудастая, да и сзади — ничего. Тут есть на что посмотреть, да и подержаться будет потом за что.

- Нет, Петька, эта черненькая красивше, глянь-ка на ее личико, обалдеть можно.

- Да разве в красоте дело? Не с лица же воду пить. Не дай Бог жениться на такой. Мужики постоянно заглядываться на такую будут. Да кабы только заглядывались, приставать ведь

начнут. А такие красивые, как эта, цену себе знают. Всю жизнь потом будешь маяться, приглядывать за нею, чтоб другие мужики около нее не вились, и превратишься, в конце концов, в злобного ревнивца, а то и вообще рано из жизни уйдешь. Помнишь нашего дядю Веню Малышева? У них с Настюшкой так и было. По мне, так лучше уж пусть будет дурнушка, но в теле, в соку, и покладистая. Такая любить тебя всю жизнь будет, и проживешь ты с ней, как у Христа за пазухой, - не по-детски рассуждал приятель.

- Не-е-ет, Петруха, уж если я женюсь, то только вот на ней, или на такой, как она, - неотрывно смотрел и смотрел на чернявенькую девчушку Мишка.

- Ну и дурак, ничего ты в жизни, значит, не смыслишь, - с досады за друга выпалил Петька.

Не все коту масленица, отошла вскоре лафа и ребятам. А все, из-за того, что решили они поделиться своей тайной с Митюней Морозовым, нескладным парнем, их одноклассником, сыном лепотинского лесника Андрея Михайловича, также имевшего сенокосные угодья на Камешнице. Митюня, неудовлетворенный подглядыванием издали, и надоумил их подкрасться вплотную к омутку горбачовских сенокосниц, чтобы вблизи разглядеть девичьи прелести. Этот увалень, пробираясь сквозь кусты вдоль крутого берега, и паливший при этом глаза на девок, неожиданно оступился, и, не удержавшись за ветку, свалился с небольшого обрыва прямо в речку. Ох, и визгу было! Девчушки похватили немудреное исподнее и стремглав убежали к своим покосам...

Напрасно в последующие дни мальчишки продолжали бегать на Камешницу, девки там больше не появлялись. С этой поры Мишка, как-будто, потерял что-то, ходил сам не свой.

- Уж не заболел ли ты, сынок, а может по дому соскучился? - с издевочкой спрашивал отец, давно уже догадавшийся о мальчишеских проделках.

- Да нет, папаня, просто подустал я, - невнятно пробормотал сын, теребивший в руках ромашку.

-А ромашку для чего мнешь, или гадаешь на одну из горбачевских девок? - продолжал настырно подначивать Арсений Прокопьевич, заодно дав понять сыну, что он все знает. - Ромашки нынче уже не в моде, вот в прошлые века можно было ей довериться, люди-то ранешние уж очень простецки-наивными были, верили всем и всему. Покрасневший, как вареный рак, Мишка насупился, неловко было с отцом обсуждать эту тему...

***

В конце 1905 года вернулся из японского плена брат Арсения Прокопьевича — Федор, поведал землякам о битве при Цусиме, где он в качестве сигнальщика служил на крейсере «Дмитрий Донской», затопленном российскими моряками у острова Дажелет. Рассказал и о подвиге моряков с крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец». Долго обсуждались мужиками и революционные события этого года в России, взбудоражившие весь мир.

Мишка с Петькой нередко забегали в дом-развалюшку дяди Федора, купленную им за бесценок у бобыля Ивашки, или ловили его на деревенской улице, и просили рассказать о море, о кораблях, о службе. Как они завидовали в эти моменты бывалому моряку, не раз ходившему в дальние походы, повидавшему много стран и народов. Их, конечно, больше интересовала романтика, а не трудности суровой флотской жизни. И совсем не подозревали, что судьба уже уготовила им серьезные испытания на чужой сторонке. А пока, пока они предавались грезам, навеянными рассказами походившего по белому свету бывалого моряка.

2. Неожиданная встреча

В нелегких крестьянских хлопотах и заботах прошли-пролетели семь лет. Многочисленная семья Сосниных, как и было принято в деревнях, разделилась. Старшие — Андрей,

Сергей и Степан уже жили своими семьями, отстроившись на дальнем конце Лепоты, на примыкающих к лесу Новинах. Мишка, на правах младшего брата, оставался в доме отца, на него в будущем и ложилась ответственность по уходу за стареющими родителями. Неоднократно мать уже поговаривала сыну, что пора бы ему вести в дом молодницу, чтобы та брала бразды правления домашним хозяйством в свои руки.

- Совсем ведь я немощная становлюсь, - жалобилась она, - неумоготу мне и со скотом, и с домом управляться. Неужели девок хороших у нас в Лепоте, или в окрестных деревнях нет? Мишка, тебе ведь уже двадцать два года, смотри, всех путных разберут, а тебе шалава достанется.

В этот год стал резко сдавать и отец. Осенью на ярмарку в уезд пришлось ехать Михаилу с дядей Федором. Удачно продав привезенное, и закупив все необходимое для ведения хозяйства, тем самым, завершив все свои дела в городишке, по Мишкиной просьбе они решили сходить в шапито, посмотреть на выступление приезжих циркачей. На входе они столкнулись с группой девушек, одна из которых, стройная чернявая, показалась Михаилу знакомой. Он так и застыл на месте. Сразу же вспомнились дальние сенокосы и их с Петькой шалости-проказы. Да, несомненно, это была она, та самая девчужка-подросток, так сильно приглянувшаяся ему в первое сенокосное лето.

-Ну, что уставился-то? - потупила взор чернявая. - Или девушек красивых не встречал еще? Ой, подруженьки, не могу, вы поглядите на него! Дай хоть пройти-то, а то стоишь на дороге, как истукан, отодвигать тебя что ли надо?

- Мишка, ну чего встал-то, пошли, - тряс племянника за плечо дядя Федя. А тот все смотрел и смотрел на девушку, не отводя от нее взгляда.

- А что, он у вас всегда такой? - обратилась одна из подружек к Федору.

- Какой такой?

- Ну, стеснительный что ли. Или вы его в заперти держите, что он до сих пор девушек не видал? Эвон, как стушевался.

- А вы девчата откуда будете? - понял ситуацию дядя Федор и решил подсобить незадачливому в любовных делах племяннику.

- А мы из Горбачева.

Дядя отозвал в сторонку разговорчивую товарку и шепотом, чтобы никто не услышал, спросил: «А эта, черненькая-то, чья будет?»

- А вон ее отец-то, возле лошади стоит — дядя Петя Караваев. Вы его, наверное, знаете, он самые лучшие в уезде кошовки мастерит.

- Ну, ну, как не знать, - откровенно врал Федор, чтобы поддержать разговор и побольше выведать у девахи.

- А саму-то ее как звать?

- Настена, она у них единственная дочь.

- Хорошее имя. А лет-то ей сколько?

- Так двадцать уже.

- А что, никто ее так и не сватал еще?

- Местные парни боятся с ней гулять. Уж больно красива, говорят. Да боятся-то они не столько красы ее, сколько тятеньки. Уж больно крут он и норовист. Живут они безбедно, все о дочери пекутся. Ждет ее батюшка богатенького зятка, а у нас в деревне таковых нет.

- Чужие-то парни тоже не сватались?

- Нет, никого еще не было.

А в это время осмелел немножечко и Мишка.

- А я тебя давно знаю, - признался он чернявой.

- Откуда?

...

- Откуда знаешь-то? - повторила Настя, вопросительно взглядываясь в заливавшееся краской лицо Михаила.

- Да мы с отцом в вашей деревне не раз бывали, - соврал он, чуть было не проговорившись про подглядывания на дальних сенокосах, - тогда я тебя и заприметил.

- Что-то я тебя у нас не встречала.

- А я к тебе и не подходил.
- Что ты так на меня смотришь? Съешь ведь своими глазищами.
- Не бойся, не съем.
- Какой ты забавный.
- Какой?
- Ну, не такой, как все, не приставучий что ли, а, наоборот, тихонький какой-то.
- Можно я к тебе в Горбачево приеду? - неожиданно осмелел хлопец.
- Это еще зачем?
- А чтоб с тобой повидаться, одним духом выпалил Михаил.
- Тятя узнает, худо будет и тебе, и мне.
- Так ведь я к тебе, а не к нему приеду-то. Он и знать не будет. У вас на гулянье и встретимся.
- Парни наши тебя поколотят, да еще и отцу все расскажут...
- Гляди-ка, отошел от столбняка парень-то, грудь колесом выкатил, точь - в - точь как петушок молоденький, - засмеялась одна из подружек Насти. - Смотри, дядя Петя увидит, что к Насте пристаешь, - пощады не жди.

3. Сватовство

- Нравится девка-то?- завел разговор на обратной дороге дядя Федя.
- Очень, - признался Михаил, - я ведь давно уже ее знаю.
- Да ну? И откуда же знаешь?
- Пришлось Михаилу в подробностях рассказать ему о давних мальчишеских проделках.
- Вдоволь посмеявшись, Федор серьезно изрек: «Тогда не тyani — сватайся».
- Боюсь, отец ее откажет.

- Это почему же? - возразил дядя, - мне Настина товарка сказала, что ее отцу зять голопузый не нужен — это его единственное условие. Так что, тут у нас как раз все в порядке. Хозяйство у вас крепкое, справное, живете вы в достатке, односельчане вас уважают. Да и ты - парень видный. Насте, я заметил, ты тоже вроде бы приглянулся. Так что, не тушуйся, а поскорее засылай сватов...

По настоянию Федора, вопрос о женитьбе Михаила откладывать на потом не стали. Во многом способствовала этому и мать, давно уже мечтавшая о молодежи. Вскорости собралась вся многочисленная соснинская родня. Было, конечно, сомнение и довольно-таки серьезное — никто не знал, что это за семья, куда они хотят засылать сватов, не избалована ли их дочка. Как-никак, а она ведь единственная у них.

- На выручку опять же пришел Федор: «Нужно позвать нашего старосту Кузьму Ивановича Сапожкова, он же частенько ездит в уезд и, возможно, что-то о их семье знает». Приняв чарочку и выслушав главу семейства, Кузьма Иванович тут же успокоил всю родню. Оказалось, что Петр Васильевич Караваев тоже староста в своей деревне и они с ним в городке нередко встречались, и более того, вели кое-какие разговоры о деревенском житье-бытье. Мужик он справный, не бедный, достаток имеет, не заносчивый. Хозяйство у них — дай Бог каждому.

- Так что, - подытожил Сапожков, - я полагаю, ваши семьи достойны друг друга, а посему — свататься стоит. Тут же и порешили, в ближайшее воскресенье отправиться в Горбачево. Уговорили и Кузьму Ивановича ехать с ними.

***

Неожиданно сватовство чуть было не расстроилось. И причиной тому послужила сестра Петьки Евгушкина - Лидия. Михаил, честно говоря, уже давненько стал замечать, что

девушка на него как-то по — особенно смотрит, старается чаще попадаться ему наедине. А при случавшихся меж ними разговорах, голосок ее неизменно подрагивал, а щеки наливались румянцем. Но он до поры до времени не придавал этому особого значения, относя происходящее с девчонкой к обычным, данным природой отношениям между парнями и девушками их возраста, в пору половой зрелости по-особенному стесняющихся друг друга, Тем более, полагал он, что это чисто соседские взаимоотношения. Лидия же в эту пору, как говорится заневестилась. И объектом ее воздыханий оказался Михаил, к коему она становилась все более и более равнодушной. А сейчас, узнав от Петра о предстоящем сватовстве, Лидия непроизвольно, повинувшись законам природы, испугавшись потерять народившиеся чувства, решила переступить ту черту, которая отделяла ее от греха. Улучив момент, когда в доме Сосниных никого кроме Михаила не было, она нашла «подходящий» повод зайти, как бы за решетом к Пелагее Макаровне. «Огорчившись», что матери нет, она пошла к выходу и уже, взявшись за ручку двери, вроде бы невзначай спросила Михаила: «А что, ближе-то невесту найти не мог? За семь верст киселя хлебать? Аль девки в Лепоте перевелись?». И увидев, как Михаил смутился, покраснел, подошла к нему вплотную, обняв, заглянула ему в глаза, прошептала: «А чем я плоха? Или не видишь, что по тебе сохну? Эх, ты!».

Не дав парню опомниться, принялась его целовать.

- Возьми меня, я вся твоя, потом вряд ли такой случай нам представится, - страстно шептала она Мише на ухо, незаметно подталкивая его к кровати...

Все произошло так стремительно, так неожиданно, что Михаил, не сумевший ничего сообразить, растерялся. Глядя на его встревоженное лицо, Лидия рассмеялась: «Ну, что же ты, дурачок, ступешевался. Ведь хорошо же нам обоим было, верно?».

- Очень даже хорошо. Только как же мне теперь быть? - пролепетал Михаил, - ведь в Горбачево скоро надо ехать, а я...

- Не переживай, миленький, поезжай свататься, никому ничего я не скажу. Только одно условие — меня не забывай. Захочу твоей ласки, буду звать к себе, не отказывай, приходи. А коли сам захочешь — дай мне знать, я всегда тебе буду рада...

Горечь от содеянного в виду сватовства, и радость от того, что стал мужчиной и отпробовал сполна женской ласки качались как на аптекарских весах. Хотелось, конечно, чтобы было все честно по отношению к Насте, а с другой стороны неотвратно влекло его к Лидии. И Михаил не сдержался. Втихаря, уходя вечером из дома, он до первых петухов любилась с соседкой, а потом так же незаметно возвращался...

- Что же делать-то, Лида? Ведь завтра надо ехать. Может отложить сватовство, причину найти недолго?

- Если из-за меня переживаешь-расстраиваешься, то напрасно, все равно твои родители меня в снохи не возьмут, не захотят они с гольтьбой нашей связываться, - здраво рассуждала Лидия, - так что поезжай, не печалься, а там видно будет. Что же теперь наперед-то загадывать.

***

Напрямую, через дальние сенокосы, от Лепоты до Горбачева всего-то шестнадцать верст. Да вот беда — нет там дороги. А в круговую, через уездный город, набирается все сорок, целых два волока. Свататься поехали на трех лошадях, прихватили с собой все необходимое. Весь разговор поручили вести Кузьме Ивановичу. И это вселяло в родню Сосниных определенную уверенность в исходе столь важного житейского дела.

Гостей в Горбачеве, естественно, не ждали. Тем не менее приняли радушно. Тотчас же зафыркал самовар, хозяйка принялась собирать на стол. Как только прозвучали типичные для данной ситуации слова о «красном товаре и добром молодце», и Михаила выдвинули вперед, на обозрение Настинной родни, отец ее не переставал время от времени оценивающе приглядываться к парню.

В свою очередь, не без интереса, рассматривали гости из Лепоты и вышедшую на смотрины Настю.

Серьезный разговор завязался уже за столом. После того, как немножечко выпили, и первоначальная скованность растаяла, начали рассказывать друг о друге, о своих делах, в целом о жизни деревенской, несколько уклоняясь от основного вопроса. Когда уже обе стороны вдоволь наговорились, Кузьма Иванович напомнил о цели приезда. После некоторой паузы свое слово сказал и Петр Васильевич.

- Вижу я, люди вы хорошие, хозяйственные, трудолюбивые. И дочке моей, если она даст свое согласие, будет у вас неплохо. Меня волнует одно: у нас ведь тоже хозяйство немаленькое, а без доченьки с Евдокией Петровной нам ох, как трудно будет вдвоем-то управляться. Кабы Михаил к нам перебрался — никаких проблем бы и не было...

- Что ты, что ты, Петр Васильевич, - перебил его Кузьма Иванович, - уж ты-то знаешь, что курица — не птица, а приемок — не человек. Не смехи нас. Тем более, к Сосниным Настя войдет полноправной хозяйкой. Пелагее Макаровне уже трудно самой справляться, старовата она, да и болезненна стала. А что касается вашего хозяйства, то, я думаю, огромная родня Сосниных в помощи вам никогда не откажет. А ведь Бог даст, будут у молодых и дети, так что будет потом кому ваше хозяйство передать.

Мудрые слова Сапожкова удовлетворили обе стороны. Теперь слово оставалось за Настеной.

- Ну, что Настя сватам скажем? - спросил Петр Васильевич.

Смущаясь и краснея, искоса поглядывая на Михаила, как бы ища его поддержки в принятии ею решения, Настена с трудом вымолвила: «Я согласна».

Застолье благополучно продолжилось. Тут же на Михайлов день назначили свадьбу.

Когда гостям уже были поданы лошади и на расставание загулял на морозце лафитничек-посошок, сестра Петра Васильевича Агафья неожиданно спросила Михаила: «Неуж-

то у вас любовь с первого взгляда? Ведь вы же до ярмарки-то и знакомы не были?».

Мишку этот вопрос застал врасплох, он густо покраснел, и, не зная что ответить, загундосил что-то нескладное. А вот Петька Евгушкин, не сдержавшись от ошарашившего всех теткиного вопроса, неожиданно даже для самого себя, коротко хохотнул-крякнул, а потом, поняв свою оплошность, резко осекся и завертел по сторонам головой. Наступила неловкая тишина. Стоявшие неподалеку горбачевские парни смекнули, что тут что-то неладно, быстренько «оттерли» Петьку от остальных гостей, отвели в сторонку.

- А ну, говори, в чем дело?

Петька понял, если сказать правду — свадьба может расстроиться, промолчать — его отлупят, это уж как пить дать. И ведь сообразил же плут, как выйти сухим из воды, как спасти и себя, и репутацию друга. Грохнувшись на снег и свернувшись в клубок, он дико заорал: «Наших бьют!».

Обе стороны тотчас же пришли на помощь незадачливому Мишкиному дружку, высвободив его из круга приготовившихся к избиению парней. Пришлось на примирение еще выпить по стопарику, после чего успокоившиеся сваты благополучно покинули Горбачево.

4. Рождение семьи

Венчались молодые в церкви Казанской божией матери, называемой в народе Новой. Михаил чувствовал какую-то настороженность Настены, но спросить о причине плохого ее настроения не решался. И лишь в разгар хмельного застолья, когда гостям было уже не до жениха с невестой, Настя в упор спросила Михаила: «Так это вы тогда были на Камешнице?». Пришлось новоявленному муженьку признаться и попросить прощения за былые проступки. Настена промолчала, но

холодок отчужденности еще долго присутствовал в их отношениях, особенно обостряясь при неизбежных в семейной жизни ссорах.

Отгремела-отгуляла свадьба. Молодица довольно быстро освоилась в новой для себя деревне, завела в Лепоте подруг, среди коих оказалась и соседка — Лидка. По дому управлялась легко и сноровисто, чем несказанно радовала свекровь. Не оставалась в стороне и от иных хозяйственных дел, помогая в них мужу и свекру. Спустя полтора года появилась на свет божий дочурка, нареченная Александрой. И надо же было так случиться, что родилась она 1 августа 1914 года, в тот самый день, когда Германия объявила войну России. И глубоко символично, что почти четыре ближайших года Михаил проведет в этой самой воинственной, самой беспардонной, самой наглой, неоднократно битой, но всегда мечтавшей о реванше, Германии.

5. Война

Убийство в Сараево Гаврилой Принципом эрцгерцога Франца Фердинанда (вместе с женой) послужило поводом к началу первой мировой войны. Австро-Венгрия тотчас же предъявила ультиматум Сербии, угрожая ей вторжением. Россия, заступаясь за братьев-славян объявила частичную мобилизацию. Тут же последовал ультиматум немцев: в случае проведения мобилизации, Германия объявит войну России. На попятную никто не пошел, нездоровые амбиции правителей сыграли свою роль. И как результат — Европа была ввергнута в четырехлетний кошмар войны, начавшейся с убийства двух человек и унесшей в итоге жизни пятнадцати миллионов, и разрушившей четыре империи. Некоторые историки называли эту бойню «войной кузенов». Николай Второй, Вильгельм Второй и Георг Пятый были, как известно, родственниками. Войны они не хотели, это известно из

архивных документов, но, как утверждали политики того времени «... она наступила на них, как неотвратимая реальность, с которой здравый смысл совладать не может...». Между тем и убитый эрцгерцог был реформатором и категорическим противником войны с Сербией и Россией. Он собирался превратить свою «лоскутную империю» в конфедерацию полуавтономных государств с амбициозным названием «Соединенные Штаты Великой Австрии», к которой в дальнейшем могли бы присоединиться и балканские страны. Эх, если бы не эти, ставшие роковыми, выстрелы в Сараево!...

***

От радости до печали — один шаг. Многочисленная соснинская родня еще пребывала в приподнятом настроении по поводу появления на свет божий Мишкиного первенца, а беда уже стучалась в ворота. Приехавший из уезда лавочник Дегтев привез газеты, заголовки передовиц которых «кричали» о вероломстве немцев, о начале войны с Германией и Австро-Венгрией, о возросшем патриотизме народа, готового дать отпор немчуре и австриякам. Крики, слезы, проклятия в адрес врагов на деревенской улице. Сельчане понимали: хуже войны для простого народа нет ничего. Это она, проклятая, опять оторвет мужиков от земли и вернет ли обратно — неизвестно. Да и какими они вернуться после чудовищных испытаний? - В основном калеками, да психически больными, изможденными и агрессивными. Со дня на день ждали нарочного из уезда с разъяснениями обстановки и, вероятно, со списком первой партии мобилизуемых.

***

Закадычные дружки Мишка Соснин, Петька Евгушкин, Митюня Морозов, Пашка Сапожков и двоюродный брат

Михаила по материнской линии, сын кузнеца, рослый и крепкий Федор Ковригин знали, что в первую очередь «забреют» их, что не сегодня — завтра им отправляться на фронт. А по сему, время даром не теряли и в пьяных посиделках заливали нежданно-негаданно свалившееся на них горе. В один из дней друзья не досчитались Пашки. Его мать, Клавдия Петровна, пояснила, что утром ранехонько они с отцом уехали в уезд, а почему и зачем — не сказали.

Вечером того же дня ситуация прояснилась. Вернувшийся из города Кузьма Иванович сообщил однодеревенцам, что уездный лекарь обнаружил у Пашки язвенную болезнь желудка и закатал его в больницу до полного излечения.

- Отмазал староста своего сынка, деньги все делают, - высказал предположение лесник Морозов, в чьем доме гуляла в этот вечер молодежь.

- Да, Пашка-то жив-здоров останется, отлежится в больнице, а вас-то, ребятушки милые, что ждет? - заплакала Матрена Кузьминична.

- Что, что? Они пушечное мясо, оборвал жену Андрей Михайлович. Что они необстрелянные, не нюхавшие пороха сделают против вымуштрованных, вооруженных до зубов германцев? На верную смерть идут.

- Не надо отпевать нас раньше времени, дядя Андрей, - похлопал по плечу лесника Петька Евгушкин, - кое-что и мы можем. С винтовкой быстро сладим, чать с ружьем-то на охоту хаживали и дичь метко били. А что огневая мощь немцев нашу превосходит, так не только ведь в этом дело. В рукопашной-то схватке мы их посильней будем. А Суворов, что говорил? - Пуля — дура, штык — молодец. Вот так-то. Дальше разговор как-то не заклеился, да и питье уже изрядно надоело. А по сему разошлись по домам еще засветло.

Когда гости покинули избу, лесник имел долгую, за полночь, беседу с женой о том, как спасти им своего единственного, а по сему и чрезмерно любимого сына — продолжателя их рода, будущего кормильца своих родителей. Затем Андрей Михайлович посвятил в свои планы Митюню.

***

Назавтра ранним утром прибыл из уезда уполномоченный, собрал сход и огласил списки первой партии мобилизованных. - Завтра в девять ноль-ноль -сбор, построение, а дальше пешим ходом - в уезд, - завершил он свое выступление. Тотчас же затопились в деревне бани, чтобы помыть на дорожку уходящих на войну лепотинцев. Когда-то еще им придется попариться вволю, да помыться добела. Задымили над избами печные трубы, харчей на дорогу потребуются немало, да и проводы каждая семья хотела провести достойно. А друзья — приятели, по совету Митюни Морозова напоследок решили побродить по речке с сеткой, наваристая ушица поутру в день отправки ох как стодится. В Арсеньиной яме сеть зацепилась за корягу. Чертыхаясь и матерясь ныряли по очереди, пытаясь отцепить, но все попытки были тщетны. Долго на дне друзья находиться не могли, от холоднющей воды сводило ноги и руки.

- Эх, жалко, сеть рвать придется, - загундосил Федька, батька сильно расстроится, ругаться будет, ведь пол-зимы с ней возился. Тьфу, надо же какая напасть в последний-то денек приключилась.

- Мишка, а где Митюня? - встрепенулся вдруг Петька. На берег что ли смылся отогреться? Вечно от дела увиливает.

- Да только что тут со мной стоял. Там под водой, наверное, с сеткой возится. Сейчас вынырнет.

Однако Митюня из воды не показывался.

- Может тоже за корягу зацепился, - предположил Петька, - спасать надо.

Встревоженные парни поочередно стали нырять, но в омутке друга не обнаружили.

В суматохе не услышали, как возле другого берега под ракитовым кустом слегка всплеснулась водичка. Митюня ужом вполз в прибрежный ивняк и стал наблюдать за

друзьями. А те, в это время, выбравшись из реки кричали-звали Митюню, затем сбегали вниз по течению — не нашли его, не увидели. Пропал парень. Бросив в злополучной яме сеть, хлопцы побежали в деревню, сообщить о случившемся.

***

Ближе к полудню небольшая колонна новобранцев бодрым шагом отправилась на сборный пункт. Оставшиеся в деревне мужики, вооружившись баграми, прочесывали речку в поисках утопленника. А в это время Митюня Морозов с огромнейшим рюкзаком за плечами пробирался через тайгу к Чертовой протоке, одному из отрогов Великого болота, называемого в простонародье «Концом света», где кроме лесника Морозова и его сына отродясь никто не бывал. Здесь на одном из небольших островков, среди болотной глуши в трех десятках верст от ближайшего жилья, предстояло ему провести в одиночестве какое-то время.

- Главное — пережить лихолетье, - говорил отец, а там... А там — куда кривая выведет. Время покажет. Когда страсти улягутся пообещал Андрей Михайлович навестить сына: подкинуть харчей, да помочь сварганить скромненькую избушку. Война ведь в одночасье не кончается. Не ровен час — не одну зимушку куковать здесь придется.

- Зато жив останешься, - подытожил тогда на прощание отец, - а продукты я тебе буду подкидывать. Подспорьем же тебе будут охота, рыбалка, да сбор даров леса...

6. На войне как на войне

В соответствии с мобилизационными планами, полк, куда попали Михаил, Петр и Федор, формировался заново, в основном из призывников северных губерний. Кадровыми были лишь офицерский, да унтер-офицерский составы. Командир — полковник Терехин, прошедший горнило войны

с японцами, дважды раненный в Манджурии и у Порт-Артура, сокрушался по поводу нового назначения.

- Ну как я смогу всего-то за пару недель сделать боеспособным вверенный мне полк, скоротечно собранный из мужичья, этого бестолкового быдла, в большинстве своем ни разу не нюхавшего пороха. Для них, что винтовка, что дубина — все едино.

Недовольный проведенным смотром новобранцев, он, тем не менее, перед батальонными и ротными командирами поставил самые высокие задачи.

- Господа офицеры, приказ есть приказ, и он не обсуждается, а выполняется, тем более в военное время, - обратился он к командному составу, - а посему, будьте любезны, за это короткое время, что нам отпущено, сделать из этой серой массы настоящих боеспособных солдат.

И началась муштра.

Поручику Голембиовскому, возглавлявшему полковую разведку, и которому полковником, понимавшим, что разведка — это главное, был предоставлен полный карт-бланш на формирование своего подразделения, лично сам отбирал наиболее ловких и сильных и что весьма важно - наиболее смысленных новобранцев. Таковых набралось полторы дюжины. С каждым из них поручик побеседовал отдельно. В их число попал и Федор Ковригин, отвечавший всем предъявляемым требованиям, а ко всему прочему, был с лесом на «ты». Строевые занятия поручик отменил полностью.

- Только время зря теряем на эту «шагистику», пояснил он свое решение Терехину, на что тот дал свое согласие. А вот на брюхе поползать новоявленным разведчикам довелось до сыта, и из винтовки постреляли в волюшку. Изучили рукопашную, сносно научились действовать ножом. По просьбе Голембиовского Федор поделился с сослуживцами своими навыками по ориентированию в таежных лесных массивах, рассказал о различных приметах, о поведении

зверей и птиц в присутствии человека в лесу, научил всевозможным охотничьим премудростям.

Михаил же и Петр, ставшие обычными пехотинцами, к их радости, попали в одну роту. Подпоручик Соловьев «гонял» своих новобранцев до седьмого пота. Бойцы попросту валились от усталости, а на теоретических занятиях засыпали в буквальном смысле этого слова.

***

И вот полк на марше. В составе армии генерала Самсонова подразделение пешим порядком двигалось по направлению к Восточной Пруссии. Первые трое суток, что шли по польской территории (Польша в то время входила в состав России), особых забот у разведчиков не было. Их действия больше походили на учения, на закрепление полученных при обучении навыков. В общем шла обкатка, подготовка к предстоящим боестолкновениям.

Когда перешли границу и вступили на территорию Германии, движение войск несколько замедлилось, стало более осторожным, ведь в любой момент они могли столкнуться с противником. Теперь уже разведчиков постоянно держали в авангарде и даже придавали в боковые заградительные отряды.

Но противника пока нигде не было. Более того, он даже не пытался организовывать оборону своих деревень и городков, весьма малочисленных, что характерно для Восточной Пруссии в целом. При приближении русской армии, население спешно покидало свои дома, оставляя на произвол судьбы все свое имущество, хозяйство, скот. Такое поведение немцев настораживало наше командование, Однако, штаб фронта гнал армию все дальше и дальше.

- Что-то мне не нравится поведение противника, - поделился с Ковригиным Голембиовский, когда они перед вступлением полка в очередной прусский городок, с небольшой высоты в

бинокль наблюдали за творящимся на его улочках хаосом. - Похоже они нас заманивают в мешок, а потом горловину захлопнут.

Поручик достал из планшетки карту и стал делать на ней какие-то пометки. Федор попытался через плечо Голембиовского заглянуть в нее.

- Не положено, - сердито двинул ему локтем в живот поручик, - карты предназначены только для офицерского состава, - Хотя, ладно, хороший разведчик, пусть и из нижних чинов, я считаю, должен уметь читать карту, разбираться во всех нанесенных на нее обозначениях и занесенных командиром разведданных о противнике. В современной войне обстановка может сложиться непредсказуемо в любой момент и обладание точной картой позиций противника может спасти наши войска от катастрофы.

- А мне отец друга, он лесник, разрешал пользоваться поквартальной картой лесонасаждений, так что я кое в чем разбираюсь неплохо, с ней в лесу был как у Христа за пазухой,- поделился с поручиком Федор.

- Ну что же, - коли соображаешь, смотри: вот путь, коим мы шли, а вот железная дорога, что идет из Германии и пересекает всю Восточную Пруссию. Судя по всему, мы должны ее перерезать, скорее всего вот на этой станции. И до нее где-то еще верст сто осталось. Пока мы без единого выстрела идем, немцы по «железке» наверняка перебросили сюда из Германии свои силы, силы я считаю немалые и разместили их здесь, здесь и здесь, - тыкал пальцем в карту Голембиовский. - Так что, в скорости жди хорошей заварушки и полетят тогда от нас клочки по заулочкам. Обидно, конечно, что мы сами лезем в этот мешок. Неужели командование фронтом не видит последствий таких неразумных шагов и совсем не дооценивает немцев? Всех и всегда шапками пытаемся закидать, а в результате такой стратегии в последствии «получаем по мордам». Неужели война с Японией так ничему нас и не научила? Но, Федор, об этом молчок, никому ни гу-гу. Ясно? Иначе я тебя сам порешу, без

всякого трибунала, - поручик внимательно поглядел в глаза Ковригина.

7. Последняя вылазка разведчиков

Спустя два дня движение армии было приостановлено. Требовалось подтянуть тылы, изрядно отставшие от боевых частей, привести себя в порядок, наконец-то организовать горячее питание, а в общем и целом — полностью восстановиться. Для кого-то привал — это отдых, а вот разведчикам, увы, даже глаз сомкнуть не давали. Трое бойцов во главе с Федором Ковригиным были направлены разведать обстановку в районе деревни Альтендорф, ближайшей на дальнейшем маршруте движения полка. От нее, по расчетам Федора, до железнодорожной станции оставалось верст пятнадцать.

Коней не подгоняли, двигались осторожно, внимательно осматривая местность. За очередным поворотом их взору открылась речка, на противоположном берегу которой и располагалась интересовавшая командование деревня. Спешились. В течение короткого периода времени провели наблюдение. Деревня отсюда просматривалась не полностью. Не заметив ничего подозрительного решили не по мосту, а вброд, чуть в стороне от дороги, перебраться на другую сторону и вплотную приблизиться к деревенской околице с западной ее стороны.

- Есть ли немцы в деревне? - этот вопрос интересовал разведчиков в первую очередь. - И почему не сожжен мост? - Это второе.

Перебредя речушку, спешились. Тишина. Решили напоить коней, когда-то еще удастся устроить водопой.

Вот тут-то и раздались выстрелы. Иван Плошкин схватился за правое бедро, меж пальцев пробивались струйки крови. Издав душераздирающее ржание, завалилась в воду и билась в конвульсиях лошадь Афанасия Бревнова. И в то же время из-

за кустов ивняка выскочили два конника, в невиданной доселе россиянами форме и галопом поскакали к деревне.

Мгновенно оценив обстановку, Федор рванул винтовку из-за спины и, практически не целясь, выстрелил. Один из седоков свалился на землю. Пока Ковригин перезаряжал винтовку, второй всадник и лошадь без наездника сумели добраться до перелеска и там скрылись. Оставив Афанасия перевязывать раненного товарища, Федор вскочил на Воронка и направил его рысью к сбитому им с лошади на землю неприятельскому кавалеристу. Судя по наличию планшетки, серебристых погончиков на мундире и каски с шишаком, разведчик сообразил, что убитый является офицером. Федор прихватив планшетку вернулся к ожидавшим его солдатам. Помог Ивану взобраться на коня, посадил на него же Афанасия и отправил их обратно в расположение полка, доложить Голембиовскому о случившемся.

- Скажите поручику, что нарвались на неприятельский дозор, что в деревне, судя по всему, есть немцы. А я пока вон с той высоты понаблюдаю за деревней и окрестностями. И пусть сам Голембиовский подъедет сюда и лично оценит обстановку. Выбрав удобную позицию на горوشке, Ковригин прилег и из-за кустов стал внимательно изучать раскинувшуюся перед ним местность. Без бинокля очень трудно было что-либо конкретное разглядеть, однако ни в самой деревне, ни на подходящей к ней с той стороны дороге никаких передвижений он не заметил. Да и всадник как сквозь землю провалился. Тихо, спокойно, никакого переполоха, как-будто и перестрелки вовсе не было.

- А может и впрямь там немцев нет, ни солдат, ни гражданских лиц? - подумал разведчик. - Просто у дозорных, оставленных здесь, не выдержали нервы и они открыли огонь? Конечно, проще было бы им незамеченными уйти отсюда.

В ожидании поручика Ковригин решил поинтересоваться содержимым планшетки. Различные документы его не заинтересовали, а вот две карты привлекли внимание.

Особенно одна, вся испрещенная какими-то знаками: кружочками, квадратами, ромбиками, стрелами. Цифры и надписи на непонятном Федору языке. Единственное, что смог он сообразить — сориентироваться по первой карте. Она была более подробной, нежели у Голембиовского и отражала всю территорию от границы и до железной дороги. Вторая же карта, о чем разведчик интуитивно догадался, имела отношение к российской территории.

За изучением карт и застал Ковригина поручик, неслышно подползший к нему сзади.

- Раззява, совсем бдительность потерял, тепленьким бы тебя сейчас немцы взяли, - напустился он на Федора, - какой же ты после этого разведчик? Однако, увидев карты, он сменил гнев на милость.

- Ну, Ковригин, за столь важные документы я тебя перед командованием к «Георгию» представлять буду.

Голембиовский буквально впился взглядом в карту прусской территории, замурлыкал веселенький мотивчик. Спустя какое-то время, оторвав от нее голову, похлопал Федора по плечу и повторил: «Георгий» тебе обеспечен».

Внимательно изучив местность, поручик собственноручно нанес на карту дополнительные пометки, затем вложил документы в планшетку, при этом изрек: «Все понятно.

Немцы есть немцы, они точны до мелочей. У них все четко и строго — что на местности, то и на карте».

Поднялся с земли, отряхнулся.

- А ведь ты, Ковригин, штабного майора подстрелил. И чего его сюда с документами занесло? Видимо лично решил в чем-то убедиться и, как вышло, на свою голову. Почему-то ему рекогносцировка нужна была. В общем так, пора нам с тобой срочно отсюда сматываться. Судя по их данным, через час здесь начнется такое...

Он не успел договорить, из-за ближайших кустов выскочили двое немцев и направили на них винтовки.

- Хенде хох!

Поручик схватился за кобуру, но оба солдата мгновенно и одновременно выстрелили в него. Федор же сполна воспользовался возникшей для перезарядки паузой и, подхватив планшетку, кубарем скатился с высоты и запетлял по-заячьи среди кустов, тем самым мешая противнику прицельно в него выстрелить. Он бежал к дороге, к оставленному там в кусточках Воронку. Там же, судя по всему, должен был находиться и конь Голембиовского. Но, затем Федор резко остановился, вовремя сообразив, что, вероятно, немцы, их авангард, уже контролируют дорогу и солдаты оказались на высоте отнюдь не случайно, а заприметив в зеленке его и поручикова коней. Существенно сменив направление бега, Ковригин рванулся к недалекому лесу. Запоздалые выстрелы вреда ему не причинили, а погоню по горячим следам, как справедливо посчитал разведчик, немцы устроить не смогут. И их малейшая заминка — ему на руку.

- Бежать, бежать что есть сил, не останавливаясь, только в этом спасение. Нужно уйти как можно дальше от этого места,

- подгонял себя Федор. - Упустить меня с ценными документами противник не имеет права и предпримет, посему, все возможные меры, чтобы задержать или обезвредить меня. Какое-то время Ковригин брел по лесной речушке, чтобы сбить со следа возможную в таких случаях погоню с собаками, затем снова повернул ближе к дороге.

Когда по расчетам Федора до лагеря оставалось не более версты, со стороны Альтендорфа начала бить германская артиллерия. Над головой разведчика зашелестели снаряды. Вскоре в расположении русских войск слышались многочисленные разрывы. Канонада длилась часа два.

- Капитально накрыли наших, - подумал Ковригин.

Затем в наступившей тишине слышались цоканье копыт и незнакомая речь. Оставаясь незамеченным, Федор стал наблюдать за дорогой, по которой вначале прошла кавалерия, затем многочисленная пехота и в завершении артиллерия на

конной тяге. Часа через два с величайшей осторожностью он подобрался к месту дневки его полка.

На поляне вовсю хозяйничали немцы. Что делать? Выход один — надо догонять своих, вырваться с контролируемой уже противником территории, перейдя линию фронта, и передать командованию столь важные документы.

Разведчику предстоял обратный недавнему маршу путь в полном одиночестве. Три дня пробивался Ковригин на юго-восток. Догнал наконец-то своих, остановивших на короткое время продвижение немецкой армии, дождался ночи, и под покровом темноты стал переходить линию фронта.

Совершенно случайно напоролся на возвращавшихся к себе из нашего расположения немецких разведчиков и в стычке был убит. Тело Ковригина русские пехотинцы на утро притащили в свою траншею. При нем же оказалась и планшетка. Вероятно в суматохе, в неизбежной в таких случаях спешке, боясь быть накрытыми русским огнем, немцы труп не осмотрели, а быстренько ретировались на свою территорию.

8. Разные судьбы

Не дожидаясь возвращения разведчиков, командир полка Терехин дал команду на общее построение и приказал продолжить марш в том же походном порядке. Первой на дорогу вышла рота, в которой несли службу Михаил и Петр. - Только-только начали движение, не успели пройти и полверсты, почти в середину ротной колонны попали несколько снарядов, - рассказывал позднее своим однодеревенцам вернувшийся без ноги в Лепоту Петр Евгушкин. - Мне в нескольких местах перебило ногу. Хорошо, что вовремя подоспели санитары, оказали первую помощь и отправили на подводе в лазарет. Затем, уже в госпитале, часть ноги ампутировали, а когда рана затянулась, выдали «деревяшку» и отправили домой. Что стало с Михаилом — не

знаю. Больше я его нигде не встречал. Говорили, что в той заварухе погибло немало наших солдат...

***

Что же случилось с Михаилом? Взрывной волной его отбросило в глубокий кювет. Сильно обо что-то ударившись, он потерял сознание. Во всеобщей суматохе, а точнее панике, его по-видимому, сочли убитым. А живым, видимо, было не до мертвых, им пришлось спешно «уносить ноги»...

Очнулся Соснин в сумерках. Кругом тишина непривычная, да боль в голове невероятная. Ничего понять не мог солдат. Ни винтовки возле него, ни мешка. Сел на обочину, пошарил в карманах шинели. Нашел сухарь. Грыз его, а хруста не слышал. Что же делать? Как догонять полк? Михаил полагал, что наши ушли дальше, вглубь чужой земли. Глядел в ту сторону, очень пристально вглядывался, так как уже основательно стемнело. И вдруг увидел, что оттуда всадники скачут. Подумал, что это его свои хватились и искать поехали. Еле-еле поднялся Михаил на ноги и вышел на дорогу... Так вот впервые и увидел Соснин в живую немецких солдат. Связали его, повели в какую-то деревню. Там наших пленных оказалось человек двадцать. Кто мог идти, отправили под конвоем дальше. По дороге к ним добавлялись новые партии взятых в плен русских солдат. Наконец, на какой-то станции загнали всех в вагоны и трое суток, с частыми остановками везли их все дальше и дальше на запад. Ранним утром поезд прибыл в небольшой германский городишко. Пересчитали, сверили списки. Дальше опять походной колонной топали верст десять. На месте объяснили, что пленные будут работать на содовом заводе. Михаила, видимо, как оглохшего при контузии, хозяева завода забраковали. Отдали местному бауэру, чему тот оказался несказанно рад. На него, в деревне Фоллендорф, и батрачил все четыре года Михаил. Работа

крестьянская была для него привычной, земледелец — он везде земледелец.

Хозяйство у Фридриха было крепкое. Чувствовалось во всем, что делал он все на века, основательно. Везде чистота и порядок, нигде ничего лишнего не валяется, все аккуратно прибрано и находится на специально отведенных местах. Трудились помногу, но не суетясь, размеренно, строго соблюдая очередность работ. По десять раз ничего переделывать не приходилось. Тут у немца был полный «орднунг». Кормили тоже справно. Понимал Фридрих, что «как полопаешь, так и потопаешь». Со временем у Соснина прошли и головные боли, и слух вернулся. Только попросил его бауэр об этом помалкивать, притворяться для окружающих нездоровым, чтобы на завод его не забрали. Да ведь и Михаил не дурак был. Худо-бедно, но сыт был, да и обихожен.

Прошло какое-то время, хозяева к нему настолько привыкли, что стал он для них чуть ли уж не родным. Даже обедать усаживали его вместе с собой, за один стол. В семье бауэра было три дочери. По окончании войны, когда Михаила стали от хозяина забирать, чтобы отправить на родину, в Россию, Фридрих прослезился, просил его остаться.

- Бери, - сказал, - замуж любую дочку и живи с нами.

Документы на тебя выправлю, полноправным немцем сделаю. Михаил ведь к тому времени и «балакать» по ихнему сносно научился, а понимал буквально все.

Михаил же Фридриху в просьбе отказал. Хотя он прекрасно понимал, что скорее всего вернется в родную деревню к «разбитому корыту». Война, судя по всему, выжала из села все соки.

Но разве мог понять немец русскую душу, никем из иностранцев до сих пор не понятую. Русского человека нужно принимать таким, какой он есть. А переделать его на свой лад и манер никому и никогда не удастся. Да, сыт был Соснин у бауэра, да обихожен, практически жил вольно, в пределах деревни в передвижениях не ограничивался, а вместе с

Фридрихом даже свободно выезжал на ярмарки в ближайшие немецкие города. Но все эти без малого четыре года, он жил одной мечтой — вернуться в родную Лепоту, к своей семье, к своему хозяйству, к своим друзьям и односельчанам. И сколько раз во снах осуществлялась его мечта!

- Разве я тебя Михаил обижал? Разве плохо к тебе относилась моя семья? Почему же бежишь из нашего рая в разруху, в неизвестность? Что тебя ждет в России? - Полный разброд и развал. А здесь у тебя все будет — живи, да радуйся.

Нет, не мог все же понять Фридрих русского крестьянина — Михаила, который по непонятным для него причинам «бежал» от западной цивилизации в лапотную униженную Россию.

- Не нужен мне берег турецкий, и Африка мне не нужна..., - эти слова из появившейся намного позднее советской песни «Летят перелетные птицы» прекрасно подтвердили действия Соснина по скорейшему возвращению на Родину.

Слезы выступили на глазах Михаила, когда бауэр решил использовать последний шанс, чтобы оставить у себя полюбившегося им русского, встав перед ним на колени. Поблагодарил Соснин немца за хорошее отношение, за глубокую к нему привязанность, но решение не изменил. На прощание крепко обнялись и расцеловались.

9. Возвращение Михаила

Деревенские святочные гадания заканчиваются для кого-то ожиданием радостных событий, для кого-то — горя. Молодые лепотинские женщины и девки, собравшись у тетки Степаниды с напряженными лицами следили за манипуляциями хозяйки дома, знаменитой на всю округу предсказательницы. Лидии Евгушкиной выпало встретиться в этом году со своим любимым и желанным, Любашке Вороновой все предвещало осеннюю свадьбу, хотя у нее еще

и кавалера-то не было. Веронике Медведевой судьба сулила сердечную печаль. А и было от чего. Вернувшийся с войны Гришка Медведев быстро окрутил красавицу Веронику, да видно поторопились они с женитьбой, нелады начались с первых же дней их семейной жизни. С горя ли какого, иль с печали, или еще от чего, но запил Гришуня горькую. Раза два-три его, пьяного вдрызг, благоверная до себя не допустила, ну и пошел мужичок в отместку гулять по вдовушкам, благо их война породила немало, а любви да ласки жаждала каждая.

- Видно не судьба тебе Вероника с Гришкой семейный очаг поддерживать. Разбегайтесь от греха подальше.

- А ты, Настена, чего молчишь? - переключилась Степанида на Соснину, аль тебе не интересно, что тебя ждет-ожидает?

- Чего ждать, если без вести пропал мой Мишаня? Ждет скорей всего впереди меня горькая вдовья судьбинушка. Больше четырех лет ни слуху, ни духу. Жив был бы, все весточку о себе какую-никакую дал бы.

- А все же поглядим, чем тебя этот год порадует, - сосредоточилась над гаданием Степанида.

- Ой, ой, ой, девушка, что будет-то! Ой, что ждет-то тебя! Ночью в дому-то у тебя заскрипит все, заскрежещет, топот услышишь, стук в двери. Ой, Настя, только двери-то ты не отворяй — это черт ли, леший ли к тебе припрется. Будь осторожнее девка, где-то на днях это случится. Что-то страшно мне за тебя стало.

И ведь как в воду глядела старая.

Через два дня ясной морозной ночью, когда только-только семейство Сосниных уgomонилось и смотрело первые сны, раздался стук в окно. Настя соскочила с кровати, застыла в ожидании чего-то страшного, что должно было неизбежно произойти. Невольно вспомнились Степанидины предсказания. Стук повторился и был уже более настойчивым. Превознемогая страх, на цыпочках подкралась Настена к окошку. Однако, через заиндевевшие стекла она ничего не смогла увидеть. А тем временем «некто» переметнулся через плетень и заскрипел, как-то по-особенному, странно, по

крылечным досочкам. А вот и двери в сени неожиданно со скрежетом открылись...

- Вот ведь черт-то какой ушлый, - напряглась от сковавшего ее страха Настя, - сумел и запор скинуть. Точно — нечистая сила.

- Тятя, тятя, кто-то в сенях у нас шарашится. Ой, боюсь..., - завизжала молодица, - слезай скорей с печи...

В наступившей тишине из сеней донесся охрипший, застуженный, но столь знакомый голос: «Настена, это я, Михаил, из плена вернулся».

Потрепанная шинелишка, измятая солдатская фуражка, незнакомые в наших деревнях не то брюки, не то шаровары в заплатах. На ногах обмотки, к которым веревочкой подвязаны деревянные колодки — подметки. Таким предстал перед родными Михаил. Слезы радости, и слезы жалости — они одинаково соленые, и текли они ручьями из столь родных и знакомых Михаилу глаз родителей и Настенушки ненаглядной. Не стерпел, не выдержал и сам Михаил: завсхлипывал, засопел, привалившись к груди любимой и столь желанной женушки...

10. Заживем по-новому

Уже назавтра осмотрел Соснин свое обветшалое, запущенное в военное лихолетье хозяйство и твердо пообещал отцу: «Выправимся! Многому я научился у бауэра. Знаю что, и как нужно делать. Заживем по-новому. Но и поработать всем нам придется немало. Ну, да ладно, главное - руки-ноги целы, а остальное приложится.

На вечеринке, устроенной в честь возвращения домой Михаила, они с Петром Евгушкиным, правившем в недавно организованном Совете, долго спорили — разговаривали о предстоящих в деревне после революции переменах. Соснин просил друга помочь чем может, в его просьбах, что касалось

в основном земли, леса на строительство хозяйственных построек и подруба дома.

Впрягся Михаил в работу сразу же. В отличие от остальных фронтовиков, он по митингам, да ежевечерним заседаловкам-посиделкам

И Настя старалась от мужа не отставать, крутилась, как могла, помогала ему во всем, несмотря на свои многочисленные женские дела по хозяйству. А уж как были довольны состарившиеся родители. Хозяйство на глазах преобразалось, крепло, развивалось. Увеличивалась и семья, верный признак становления на ноги. В 1920 году родилась Елена (моя мать), в 1922 — Мария. Очень сожалел Михаил, что не было сына, да видать не судьба.

За каких-то пять лет уже в хлеву жевали жвачку три коровы, единственный в деревне бык-производитель так же был соснинский. Две лошади стояли во дворе. Нашлось место и свиноматке с многочисленным потомством, овцам, курам... Конная жнейка, молотилка, два плуга и борона новенькие железные в сарае прибраны, вычищены, своим блеском глаз радуют. Да и сепаратор у Насти без дела не стоит — эвон сколько молока-то нужно переработать, чтобы на рынке продать продукцию с выгодой, а деньги опять же вложить в хозяйство. Пашенной земли и сенокосных угодий не стало хватать, хотя на двух новоявленных едоков — дочек им кое-что и прирезали. Попросил Михаил у друга Петра отвести еще бросовую землю в лесных неудобьях — под новину, да с дополнительными сенокосными угодьями подсобить. Помог Евгушкин, чем мог, с трудом уговорив остальных членов Совета. Но и претензию от односельчан ему предъявил — высказал: «Отбиваешься от народа, Михаил, ни с кем в деревне не дружишь, в Совет и на сходки не ходишь. В богатеи, говорят, выбиваешься. Многие недовольны тобой, особенно бедные. Смотри, добром это не кончится, и спалить, и порешить тебя могут, втихаря, конечно. А в постоянной опаске жить — тоже не мед, сам понимаешь.

- Так ведь я своим трудом достаток-то в доме наживаю, батраков не держу, сами во всех делах управляемся. Глянь-ко, даже отец мой ожил — большую подмогу я от него имею. И чего людям от нас надо? Ломили бы как мы, тоже в достатке бы жили. А уж если лентяями родились, так их уж не переделаешь.

11. Добровольно-принудительно — в колхоз

Вышло так, как и предполагал председатель Совета. Началась коллективизация. Хорошо, хоть перед самым сходом, на котором организовывался колхоз, Петр сумел убедить друга Михаила одним из первых в него записаться. Настя убивалась, рвала на себе волосы, жалея все, что было нажито своим горбом.

- Не отдам, ничего не отдам! - кричала она. - лучше все спалю. За что же нас так Бог карает? Какая же в том наша вина? Ломили, ломили — выпрямились, только жить начали, а теперь, теперь все псу под хвост...

- Уймись, Настя, - успокаивал ее Михаил, хотя и сам еле сдерживался от вопиющей несправедливости. - Плетью обуха не перешибешь. В колхоз не войдем — упекут как кулаков на Севера. А это для нас — верная смерть. И в первую очередь надо о детях подумать, Настя.

Назавтра свезли к конторе весь инвентарь, сельхозорудия, инструмент, пригнали скот, в одночасье лишившись всего, чем живет истинный крестьянин. Все провалилось, как в камский мох... Началась новая безрадостная жизнь семьи в колхозе имени Степана Разина.

Председателем колхоза был избран Петр Евгушкин, который, как друг, «в порядке компенсации за все утраченное» отблагодарил Михаила блатной должностью конюха. Настя была определена в доярки.

Не выдержали столь болезненных потрясений родители Михаила, в одночасье ушедшие из жизни.

Так до самой смерти и проработали Михаил с Настей без всякого энтузиазма и желания в колхозе, живя как и большинство колхозников того времени с колоты на молоту, так и не поняв, для чего и на кого трудились без сна и отдыха.

12. Судьбы друзей Михаила

Увернувшийся от мобилизации, якобы, по состоянию здоровья (то ли язва желудка, то ли грыжа) сын старосты Павел Сапожков среди односельчан чувствовал себя неловко. стыдно было смотреть в глаза односельчан здоровенному бугаю. В те первые военные дни приклеилась к нему позорная кличка «килун», приклеилась, как оказалось, на всю жизнь. Да, народ умел ставить на место всякого рода проходимцев и негодяев. С такой репутацией ему и в сватовстве односельчане отказывали. Через пару лет привел он в семью из дальней деревни убитую горем вдову, в первый же год войны получившая похоронку на мужа. Три пацана — огромная обуза, свалившаяся на некогда справное старостино хозяйство, внесла определенный разлад в тихое мирное семейство. Пашка нашел утешение в пьянке, причем пил беспробудно. Ближе к осени 1922 года нашли его околевшим на опушке соснового бора.

Неизвестной оказалась судьба Митюни Морозова, спасавшегося от войны на далеком огромном болоте, и инициировавшего свое утопление. Регулярно навещавший его отец, снабжавший сына всем необходимым для жизни, стал замечать определенные от нормальности отклонения. Боясь за здоровье Дмитрия все же не мог он пересилить те последствия, которые могли ожидать его сына при возвращении в родную деревню. И вот, когда казалось бы, истек срок добровольного заточения — произошла Великая Октябрьская социалистическая революция — Андрей Михайлович не застал сына в лесной приболотной избушке. Не было ни ружья, ни котомки, ни припасов. Обойдя всю

округу, покричав и постреляв, лесник так ничего и не добился. Не нашел он и следов ухода сына с «добровольной каторги». Пропала и собака, скрадывавшая одиночество отшельника. Так и осталось тайной: или утонул Митюня в болоте, что мало вероятно, или ушел через деревни другой губернии на железную дорогу и укатил неизвестно куда. Ищи его теперь, как ветра в поле. Россия, брат, - огромная, необъятная страна, есть где спрятаться, скрыться и начать новую жизнь.